

ских тружеников, что способствовало повышению производительности труда в целом по стране. К концу второй пятилетки доля ударников и стахановцев среди промышленных рабочих Сибири достигла порядка 50–60 % [1, с. 299]. Для рекрутирования рабочей элиты и увеличения производственной активности трудящихся недостаточно было одной лишь демонстрации положительных примеров, необходимы были и иные стимулы. Одним из таких стимулов для рабо-

чих являлась потенциальная возможность улучшить свое материальное положение через улучшение производственных показателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск, 1982.

*Статья поступила
в редакцию 20.12.2013*

УДК 94(47).084.9

С.Н. АНДРЕЕНКОВ

ВЛИЯНИЕ АГРАРНОЙ «ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ» СЕРЕДИНЫ 1950-х гг. НА ВНУТРИКОЛХОЗНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: andreennkovsn@mail.ru

Обращение к данной теме обусловлено стремлением автора понять природу советского аграрного строя, выявить его преимущества и недостатки, что представляется крайне важным для осмысления вопросов развития сельского хозяйства нашей страны в настоящее время. В середине XX в. базовой организационной формой сельского хозяйства СССР являлись колхозы. Первое постсталинское десятилетие стало для них временем ощутимых перемен, сопряженных с проведением мер по ускорению темпов аграрного развития. По мнению руководителей, возглавивших страну после смерти И.В. Сталина, одним из ключевых факторов, сдерживавших развитие отрасли, являлась слабая заинтересованность колхозников в труде на общественных полях и фермах, обусловленная репрессивной политикой, несвободой и низкой доходностью хозяйств. Решая вопрос о том, как без применения репрессий заставить селян работать в колхозах более результативно, глава государства Н.С. Хрущев попытался опереться сразу на два противоположных друг другу источника трудовой энергии – материальный интерес и патриотический энтузиазм. Приводимая в статье конкретно-историческая информация, почерпнутая из архивов и библиотек Западной Сибири, позволяет говорить о том, что ни тот, ни другой рычаг не позволил поднять колхозное хозяйство на необходимый уровень. Вследствие аграрной «десталинизации» важнейшие функции колхозной системы – мобилизация крестьян на труд во имя общенародных интересов и соблюдение принципа социальной справедливости при распределении доходов – перестали осуществляться в полной мере. Трудовая дисциплина в колхозах стала снижаться, налицо были все признаки демобилизации коллективного хозяйства. При этом направленные из города в деревню руководители, призванные вдохновить крестьян на высокорезультативный труд, полностью свою миссию не выполнили. К управленческой деятельности глав хозяйств у региональных властей появлялось немало претензий, в том числе связанных с нерациональным расходом средств из фондов оплаты труда.

Ключевые слова: колхозы, аграрная политика, Н.С. Хрущев, Сибирь, трудовая дисциплина, сельское хозяйство.

Необходимость научно-исторического изучения указанной темы определяется традиционно значительным интересом исследователей к истории аграрных преобразований первого постсталинского десятилетия, к развитию советского аграрного строя. Важным их аспектом являлось осуществление мер по совершенствованию внутриколхозных социально-экономических отношений. Данная проблема слабо изучена и по настоящему еще не осмыслена, поэтому мы сделали ее предметом настоящей статьи. К основным целям исследования относится расширение источниковой базы темы. Для этого привлекается региональный конкретно-исторический материал, который в значительной

степени способствует выявлению скрытых тенденций и закономерностей.

К началу 1950-х гг. созданный И.В. Сталиным колхозный строй уже не обеспечивал достаточных темпов роста сельхозпроизводства. Представляя собой довольно жесткую организационно-хозяйственную систему, основанную на внеэкономических механизмах принуждения к труду и отчуждения сельхозпродукции, он смог выполнить задачу тотальной мобилизации ресурсов деревни для общегосударственных нужд. Следующей целью становилось значительное увеличение объемов сельхозпроизводства в условиях сокращения трудовых ресурсов села,

т. е. посредством повышения производительности труда. Но в начале 1950-х гг. колхозная система продемонстрировала неспособность решать эту задачу. Колхозники были крайне слабо мотивированы к высокорезультативной деятельности в общественном хозяйстве, недостаточно высокой оставалась степень механизации труда в колхозах.

После смерти И.В. Сталина аграрная политика государства была скорректирована. Унаследовавшие высшую власть функционеры стали демонтировать наиболее одиозные структуры сталинского аграрного строя, сделали ставку на материальную заинтересованность колхозников в труде. В связи с этим были запущены механизмы повышения доходности хозяйств – подъем цен на сельхозпродукцию, уменьшение налогов, улучшение условий и объемов кредитования. Рентабельность сельхозартелей пытались увеличить и с помощью таких организационно-экономических мер, как укрупнение хозяйств. В июне 1954 г. колхозам предоставили право устанавливать минимум выработки трудодней для трудоспособных работников, в марте 1955 г. – определять размеры и структуру посевных площадей и поголовья скота общественного хозяйства, в марте 1956 г. – вносить изменения в устав сельхозартели согласно местным условиям, а также формировать круг лиц, получавших авансовые и прочие стимулирующие выплаты за высокие трудовые показатели, и ограничивать размеры личного подсобного хозяйства (ЛПХ) для неудовлетворительно работавших колхозников. Тяжесть налогообложения ЛПХ существенно ослабла.

Аграрная «либерализация» конца 1953 – начала 1955 г. оказалась чревата ухудшением показателей трудовой дисциплины в колхозах. Уклонение их работников от труда в артельном хозяйстве, разбазаривание и перерасход хлеба на внутрихозяйственные и личные нужды стали одними из причин снижения объемов поступления зерна государству в 1953 г. Колхозы Новосибирской области в этом году сдали государству только 183,1 тыс. т хлеба, тогда как в 1952 г. – 224,4, в 1951 г. – 464,4, в 1950 г. – 501,2 тыс. т [1, с. 16]. Председатель Новосибирского облисполкома И.Г. Шкарбан в выступлении на заседании бюро обкома КПСС 1 октября 1953 г. причины низких темпов хлебозаготовок связывал с активизацией у колхозников индивидуалистических настроений, вызванных уменьшением сельхозналога ЛПХ и снижением бдительности партийных органов¹. На бюро Томского обкома партии 13 октября 1953 г. секретарь Асиновского райкома Голиков сообщал: «... колхозники все без исключения знают, какие льготы, сколько платить молока, мяса, а вот что должен делать колхоз, какие задачи поставлены перед колхозом и МТС, с этими задачами многие колхозники далеко еще не ознакомлены»².

Минимумы выработки трудодней стали занижаться. Например, в «Советской Сибири» в статье от 6 января 1955 г. говорилось о том, что в колхозе «Знамя коммунизма» Чановского района Новосибирской области согласно решению общего собрания каждому трудоспособному работнику следовало выработать 130 трудодней, тогда как только в растениеводстве для выполнения всех работ требовалось не менее 200. В 1954 г. в колхозах им. Ворошилова и им. Молотова Ояшинского района области работники, не выработавшие минимума трудодней, пользовались всеми льготами, определенными для колхозников, выполнивших норму.

Численность лиц, уклонявшихся от работы в колхозном хозяйстве, возрастала. Если в 1953 г. в Новосибирской области доля способных к труду членов сельхозартелей, вырабатывавших менее минимума и не выработавших ни одного трудодня, составила 9,1 %, то в 1954 г. – 11,3, в 1955 г. – 12,4, в 1956 г. – 10,5, в 1957 г. – 11,7 %, в том числе не имевших ни одного трудодня – 1,1, 1,1, 2,1, 1,5 и 1,7 % соответственно³. От деятельности в артельном производстве по-прежнему уклонялись в основном женщины. В 1955 г. в Западной Сибири доля трудоспособных колхозниц, не выполнивших норму по трудодням, составила 20,0 %, мужчин – 1,7 %⁴. Причем не всегда их невыход на работу был связан с уходом за детьми и другими уважительными причинами. Многие колхозницы активно занимались домашним производством. Так, согласно материалам проверки деятельности колхозов Чановского района Новосибирской области, проведенной партийными органами, в 1954–1955 гг. в сельхозартели «Сталинский путь» минимум трудодней регулярно не выполняли 35 женщин. Они вязали пуховые платки и продавали их на рынке по 600–700 руб. за штуку. 12 колхозниц были замужем за трактористами, которые имели дополнительные заработки, три женщины являлись женами коммунистов. Среди них была супруга секретаря парткома Чехлова, работавшего кладовщиком. На общем колхозном собрании Чехлов заявил: «Моя жена как не работала в колхозе, так и не будет работать»⁵.

Вызывала нарекания у региональных властей работа колхозного руководства по перспективному планированию производства. В «Советской Сибири» от 4 апреля 1955 г. в статье «Планируют формально, без учета возможностей» констатировалось, что почти во всех колхозах Новосибирской области перспективные наметки сделаны только на 1960-й г. Как будут развиваться хозяйства в последующие годы, в документах не отражено. В одних колхозах при разработке планов не учитывали текущий год, производственные задания на него составлялись отдельно, в других сельхозартелях показатели роста производства продукции полеводства и животноводства определяли только на

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-4. Оп. 33. Д. 1460. Л. 7.

² Центр документации по новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 607. Оп. 1. Д. 1830. Л. 122.

³ ГАО. Ф. П-406. Оп. 1. Д. 1820. Л. 3, 4, 9; Д. 1917. Л. 3, 5; Д. 2010. Л. 2, 4, 6 об.; Д. 2097. Л. 2 об., 5, 7 об.; Д. 2213. Л. 2 об., 5, 7 об.

⁴ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1472. Л. 44.

⁵ ГАО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 1556. Л. 33–34.

первый и последний годы планируемого периода, оставив пустые графы против остальных лет. Не были разработаны мероприятия по реализации намеченных показателей по развитию каждой отрасли сельского хозяйства, не производился расчет потребности в рабочей силе, затрат труда и средств на единицу продукции. Трудовые резервы при планировании вообще не учитывались. Низкое качество перспективных наметок колхозов объяснялось спешкой при их определении. «В колхозах, МТС и совхозах, – говорилось в статье, – долго раскачивались, все тянули. А когда наступил последний срок, решили повернуть дело “в два счета”». Планы, подававшиеся в райисполкомы в виде табличек на разрозненных листках, быстро рассматривались и одобрялись. Претензии предъявлялись только к тем документам, в основу которых брались явно заниженные расчеты.

Многие председатели колхозов не обещали обеспечить быстрый подъем колхозного земледелия и животноводства. Перспективные планы развития сельхозпроизводства в основном предусматривали умеренные темпы роста, что в целом устраивало рядовых работников колхозов. Но для региональных властей производственные обязательства, не нацеленные на быстрый подъем всех отраслей колхозного хозяйства, были неприемлемы. «Советская Сибирь» в вышеуказанной статье раскритиковала плановые нормы колхоза им. Жданова Чистоозерного района Новосибирской области, согласно которым хозяйство должно было за 1955–1960 гг. увеличить годовые удои молока от каждой коровы с 15 до 20 ц. По мнению авторов публикации, в занижении показателей виновны и райисполкомы, которые по старинке спускали колхозам контрольные цифры, устанавливавшие размер посевных площадей по группам культур. Поскольку они определялись приблизительно, без учета реальных возможностей хозяйств, а на местах их не успевали привести в соответствие с этими возможностями, то во многих случаях они включались в перспективные планы без всяких изменений. В статье отмечалось, что колхозы Чистоозерного района располагают всеми резервами для получения высоких производственных результатов. Важным средством увеличения продуктивности животноводства называлось усиление его кормовой базы за счет расширения посевов кукурузы. За их недооценку критике подверглись колхозы «Победа», им. Дзержинского и им. Калинина.

В силу рассмотренных выше обстоятельств, а также других объективных и субъективных факторов возглавивший партию Н.С. Хрущев не мог отказаться от мобилизационных мер управления хозяйством. Он полагал, что откликом колхозников на прекращение репрессий и предоставление материальной помощи должен стать высокорезультативный труд во имя общенародных интересов. Пробуждение их творческой активности связывалось с направлением в деревню для руководящей работы горожан, имевших опыт управленческой деятельности в промышленности и других отраслях народного хозяйства. В конце марта

1955 г. было принято решение об отправке в колхозы для работы в качестве председателей 30 тыс. таких работников. В августе этого года на баланс сельхозартелей стали переводить агрономов и зоотехников МТС. В связи с укрупнением колхозов роль председателя в управлении хозяйством существенно возросла. Теперь только с ведома главы предприятия и по его воле происходили исключение и прием в члены сельхозартелей, устанавливались нормы выработки, расценки работ, обязательный минимум трудовых, авансовые выплаты, размеры ЛПХ и т. п. Мнение колхозников по этим вопросам окончательно теряло какое-либо значение.

Однако к управленческой деятельности председательского корпуса колхозов у региональных властей сохранялось немало претензий. По-прежнему неудовлетворительными признавались результаты производственного планирования. В целом негативную оценку получала работа по корректировке устава сельхозартелей. Под удар критики попали в основном укрупненные хозяйства. В феврале-марте 1959 г. в Полтавском районе Омской области были объединены 24 мелких колхоза, в результате чего появилось девять крупных хозяйств. Новые уставы в райисполкомах зарегистрировали только семь из них, да и то лишь к августу 1960 г. Предусмотренные законом изменения в свои уставные документы внесли лишь четыре укрупненные сельхозартели. В колхозе им. Свердлова с 1957 по 1960 г. действовало сразу четыре устава с различными нормами приусадебного землепользования и животноводства и минимумами выработки трудовых, что приводило к неразберихе в решении важнейших вопросов колхозной жизни⁶.

Фонды оплаты труда расходовались нерационально и несправедливо. Согласно результатам проверки соблюдения устава сельхозартелей, проводившейся в Полтавском районе Омской области группой советского контроля, в колхозе им. XXI съезда КПСС в первой половине 1959 г. пяти работникам было необоснованно переплачено 23 тыс. руб. Раздутыми признавались штаты управленческого персонала, в первую очередь в укрупненных хозяйствах. Например, в сельхозартель им. Кирова число функционеров руководящих структур не должно было превышать 19 чел., но фактически на административных должностях числилось 23 чел. Без учета результатов трудовой деятельности устанавливались нормативы личных приусадебных хозяйств. В 1959 г. в Полтавском районе минимум трудовой не выработали 1305 трудоспособных членов сельхозартелей, однако меры к сокращению их приусадебных участков приняты не были⁷.

Меры наказания за малорезультативный труд в общественном хозяйстве колхоза – изъятие или обрезка приусадебного участка, повышение платы за пользование общественными пастбищами – часто распространялись не на тех работников, которые действительно

⁶ Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. Р-1699. Оп. 1. Д. 2792. Л. 19–20.

⁷ Там же. Л. 21–22.

их заслуживали, а на престарелых, нетрудоспособных и нуждавшихся в материальной помощи колхозников. В РСФСР только за апрель-май 1956 г. в Министерство сельского хозяйства республики от престарелых членов сельхозартелей поступило около 2 тыс. жалоб о необоснованном ограничении их ЛПХ. Колхозное руководство стремилось также уменьшить масштабы приусадебного участка тех колхозных семей, члены которых работали в МТС и других государственных организациях, находились на учебе или в армии, входили в рыболовецкие хозяйства, но проживали на территории сельхозартелей. Во многих колхозах изымали или уменьшали личные участки, занятые плодовыми деревьями. Компенсация за их потерю была минимальной (5–10 руб. за дерево) или вовсе отсутствовала. Имели место факты необоснованного отчуждения у колхозников ульев⁸.

Значительные средства хозяйства расходовали на приобретение дефицитных товаров за наличный расчет у различных организаций и частных лиц. Так, в Полтавском районе Омской области колхоз им. Ленина за первое полугодие 1960 г., по неполным данным, выплатил частникам 8 тыс. руб., колхоз им. Свердлова – 70 тыс. руб. Сделки зачастую оформлялись с помощью фиктивных документов. Поиск и покупка необходимых хозяйству материальных ценностей осуществлялись через специальных «агентов». Контроль над хранением и расходованием выданных им сумм нередко отсутствовал. Например, в колхозе им. Кирова этого района экспедитору Бушену, который не являлся членом артели и постоянно проживал в Таврицком районе Омской области, в этот период под отчет было выдано 146 тыс. руб. К 23 июля 1960 г. Бушен не вернул хозяйству 19 тыс. руб., несмотря на это, ему вновь выдали здесь крупную сумму. В колхозе «Завет Ильича» задолженность подотчетных лиц в этом году превысила 50 тыс. руб. Правления, как правило, не утверждали персонального списка колхозников для пользования подотчетными деньгами и не определяли нормы их выдачи⁹.

Крупные суммы колхозы расходовали на наем рабочей силы со стороны, в первую очередь на оплату услуг «диких» бригад. Руководство хозяйства в договорном порядке устанавливало им зарплату, в 2 раза превышавшую сметную сумму. В 1960 г. в Полтавском районе, по неполным данным, на строительстве производственных и культурно-бытовых объектов в составе

«диких» бригад работали свыше 100 чел. В конце этого года они закончили работы, стоимость которых по смете составляла 550 тыс. руб. Но фактически по условиям договоров работникам заплатили 1329 тыс. руб. Переплата, таким образом, составила 779 тыс. руб. Только колхоз им. Кирова за сооружение семи объектов переоплатил 294 тыс. руб. Сельхозартели им. Сталина возведение десяти каркасных домов, осуществленное «дикой» бригадой из Белоруссии, обошлось дороже сметной стоимости на 42 тыс. руб.¹⁰

Использование колхозами, как и совхозами, и другими предприятиями и организациями, наемной рабочей силы в первую очередь обуславливалось нехваткой собственных трудовых резервов, стремлением ускорить решение той или иной хозяйственной задачи. При этом практика трудоустройства «диких» бригад способствовала не только ухудшению финансового положения колхозов, но и подрыву дисциплины труда колхозников. Видя вольный образ жизни наемных работников, обусловленный более высокими заработками, многие рядовые члены сельхозартелей также стремились работать по найму вне колхоза. Они уходили из хозяйства и пополняли ряды селян и горожан, не занимавшихся общественно-полезным трудом. В 1960 г. в райцентре Полтавка Омской области более 500 трудоспособных граждан нигде официально не работали и получали доход от кратковременного трудоустройства в различных учреждениях. В с. Малахово проживало только четыре колхозника, а половина способных к труду жителей (свыше 50 чел.) зарабатывали на жизнь продажей продукции со своих личных приусадебных хозяйств и деятельностью по найму¹¹.

Таким образом, из-за аграрной «десталинизации» середины 1950-х гг. такие социально-экономические функции колхозной системы, как мобилизация крестьян на труд во имя общегосударственных интересов и соблюдение принципа социальной справедливости при распределении трудовых доходов, перестали в полной мере реализовываться. Налицо были признаки демобилизации колхозного производства и «социального расслоения» колхозников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Политика раскрестьянивания в Сибири. Новосибирск, 2003. Вып. 3: Налогово-податное обложение деревни. 1946–1952 гг.

*Статья поступила
в редакцию 15.12.2013*

⁸ ГА РФ. Ф. А-310. Оп. 1. Д. 6623. Л. 87–96.

⁹ ИАОО. Ф. Р-1699. Оп. 1. Д. 2792. Л. 23–26.

¹⁰ Там же. Л. 22–23.

¹¹ Там же. Л. 22.